

В. И. ТИЩЕНКО

ФОЛЬКЛОР О НАРОДНОМ ГЕРОЕ УСТИМЕ КАРМАЛЮКЕ

Устим Кармалюк в 10—30-х годах XIX в. возглавил борьбу крепостных крестьян и городской бедноты Подолья против польской шляхты, русских и украинских помещиков и чиновников. В цели крестьянских вооруженных выступлений на Украине это движение было одним из самых значительных и продолжительных. Своей безграничной ненавистью к угнетателям, бескорыстной заботой о народе, неутомимой энергией в достижении поставленной цели, мужеством и силой воли Кармалюк навеки завоевал любовь трудящихся и славу.

Устное народное творчество об Устиме Кармалюке возникло еще при его жизни, особенно в период подъема крестьянского движения, не прекращалось и позднее, ибо не прекращалась и сама борьба трудящихся. В наши дни предания и песни о Кармалюке сохраняются как благодарное воспоминание о нем.

Фольклор о Кармалюке разнообразен по жанрам, количественно и тематически богат — это предания, эпические и лирические песни, пословицы и поговорки. На первом месте в количественном отношении стоят предания, ибо методы повстанческой борьбы, многочисленные нападения на помещиков и их приспешников породили волнующие эпизоды, которые и легли в основу этих произведений. Отдельные песни о Кармалюке (например, «За Сибирью солнце всходит») известны в десятках вариантов.

Содержание фольклора о Кармалюке — жизнь крепостных; борьба повстанцев под руководством Кармалюка против светских и духовных эксплуататоров; личная жизнь Кармалюка; смерть отважного мстителя и продолжение борьбы угнетенными.

Песня «Убогие люди» построена на противопоставлении их жизни роскоши богатей. Кармалюк говорит:

«Куди піду, подивлюся —
Скрізь багач панує,
У розкошах превеликих
І днює й ночує,

Убогому, нещасному
Тяжка робота,
А ще гіршая неправда,
Вічна скорбота»¹

Яркую картину крепостничества рисует одна из легенд о Кармалюке: «Давно то было. При крепостном праве страшно. Не жизнь, а ад. Мучились люди, а не жили. Помещики в молоке купались, крестьянина кровь сосали. На заре под кнутом шла беднота на помещичье поле. Домой многие не могли возвратиться: по дороге падали обессиленные. А помещики развлекались. Съедутся, бывало, к Яловицкому, соберут слуг и такое делают — сказать стыдно. Понравится Яловицкому собака соседа — обменяет у него на две лучшие девушки. Терпели, слезами умывались. Если пробовал кто-либо прекословить — на кол садили, чтобы все боялись. А он не стерпел. Кармалюк был не из тех, кто мог терпеть»².

Образ Кармалюка, который сам был крепостным крестьянином, является центральным в фольклоре о крестьянском движении на Подолье в первой половине XIX в. Однако в фольклоре подчеркивается, что Кармалюк боролся не один. Вместе с ним были верные люди, боевые товарищи, которых он любовно называл своими «хлопцами», детьми. Далеко не всех желающих принимал к себе Кармалюк. Чтобы попасть в его отряд, нужно было выдержать своеобразный экзамен. «Когда Кармалюк принимал кого-нибудь, — говорится в одном сказании, — то, чтобы испробовать такого «новобранца», приказывал ему падать на нож. Если не испугается и падает (Кармалюк нож быстро забирал), значит смелый. Такого принимали. Если испугается — прогоняли»³.

¹ Опубликована в журн. «Киевская старина», октябрь 1882 г., стр. 184.

² Газ. «Червоний кордон» от 16 сентября 1936 г., № 215, Каменец-Подольский.

³ Записано в 1955 г. в с. Кульчиевцы Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. от колхозника М. И. Тихуна.

Воспоминания о внешнем виде Кармалюка многим напоминают его портрет работы В. А. Тропинина, с которым народный герой был лично знаком, и подтверждаются официальными документами, ибо приметы его несколько раз широко оповещались, чтобы облегчить поиски беглеца с каторги⁴.

Обстоятельства заставляли Кармалюка часто изменять свою фамилию⁵, а вместе с ней и внешность. По документам, он в разных местах появлялся в различной одежде. Устим Кармалюк «на себе имел всегда неодинаковое одеяние, и так, раз в солдатской шинели, другой в кожане, а третий в шляхетской уже»⁶. «Волоса носит он теперь длинные, по-купечески подстрижены, бакенбарды и усы имеет большие, под шею бреет»⁷. Все это отражено и в фольклоре о Кармалюке: то появится он в облике богатого пана, чтобы наказать помещицу за издевательства над крепостной девушкой-сиротой; то, переодевшись шляхтичем, гостит в имении, а потом расправляется с его владельцем — жестоким крепостником; то выдает себя за исправника, полковника, архиерея, наряжается нищим, дедом-лирником, даже старухой, чтобы обмануть преследователей, сбить их со следа во время погони.

Параллельно с реальными чертами характера Кармалюк наделен народом и сверхъестественными свойствами. Легенды о его многочисленных побегах из тюрьмы и с каторги рассказывают, что он имел «разрыв-траву», одно прикосновение которой разрушало тюремную решетку. Он мог нарисовать на стене камеры лодку и выплыть на волю. Достаточно ему было подуть на кандалы, и они распались пополам. Неуязвимость Кармалюка объясняли тем, что он владел различными волшебными предметами, купался в чудесном зелье, после чего «никакая пуля его не брала». (Многие из этих мотивов связаны обычно с именами Степана Разина и Емельяна Пугачева.)

Характерен диалог в одном предании: «А в этих Медоборских горах прятался Кармалюк? — Он не прятался. И зачем ему было прятаться, если он Кармалюк»⁸.

Отряды Кармалюка прославились дерзкими экспроприациями у панов. Но многочисленные свидетельства крестьян, привлеченных к следствию по делу Кармалюка, и, особенно, народное творчество всегда отмечают, что сам Кармалюк и его семья, жившая крайне бедно, никогда не пользовались отобранном у богатых. Крестьяне, участники движения, на допросе показывали, что Кармалюк не имел ничего ценного, «а имел семь рублей серебром, но и те отдал какому-то повстреченному им бедному человеку»⁹.

О бедности Кармалюка и о том, что его отряды строго различали бедноту и богатых, поется в песне:

«Идут люди, идут люди, то я пропускаю,
Погадаю свою беду, то сам добре знаю.
Идут, идут чумаченьки, то я пропускаю,
Бо я бідний той Кармалюк — всю я биду знаю.
Іде, іде пан Владимир, я його спинаю:
„Я на тебе, пан Владимир, вже давно чекаю.
Здрастуй, здрастуй, пан Владимир, а як ти ся маеш?
Чим же ти мня, Кармалюка, зараз увгощаш?“
Викидає пан Владимир сорок тисяч грошей...»¹⁰.

Тема борьбы против богатых наиболее глубоко раскрыта в преданиях и сказках, сюжеты которых чаще всего построены на встречах Кармалюка с представителями антагонистических классов. Одно из народных преданий рисует реалистическую картину каторжного труда на помещичьем току во время молотбы. Падая от усталости, крепостные переносили зерно и ссыпали в закрома. Жестокий надсмотрщик поднял их, бил плетью, не давал и минуты отдыха. Увидел это проходивший мимо Кармалюк, схватил его, поднял и со всей силы бросил в закроем. Крестьяне живьем засыпали бесчеловечного надсмотрщика пшеницей¹¹.

Эта же тема отражена в ряде пословиц, поговорок, песен. Вот несколько образцов: «Почекайте-ко, нани, і в нас щастя буде, як Кармалюк з Сибіру прибуде»,

⁴ «Устим Кармалюк», Сборник документов, Киев, 1948, стр. 54.

⁵ Там же, №№ документов 8, 102, 107, 108, 109, 115, 130.

⁶ Там же, стр. 193.

⁷ Там же, стр. 164.

⁸ Журнал «Зоря», июнь 1894, стр. 26.

⁹ «Устим Кармалюк», Сборник документов, стр. 108.

¹⁰ Материалы Отдела рукописных фондов Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (далее ИИФЭ АН УССР), ф. 182, стр. 24.

¹¹ Записано от И. П. Черного в с. Колыбаевцы Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. в 1954 г.

«Коли Кармалюк захоче, то й пан засокоче», «Люди знали, що панам доброго не буде, коли у село Кармалюк прибуде», «За одного бідного Кармалюк і на пана піде» і др. Помешки дрожали при одном упоминанні о Кармалюке:

«За Сибіром сонце сходить,
Там-то світить ясно.

Де Кармалюк походжає,
То всім панам страшно»¹².

Сохранились отдельные рассказы о нападении отрядов Кармалюка на сахарные и винокуренные заводы, о порче машин и т. д.

Духовенство активно боролось против крестьянского движения и его вождя — Кармалюка. В 1822 г. после ареста Кармалюка в с. Комаровцах его допрашивали при участии священника Демковича. При другом аресте Кармалюка, скрывавшегося под вымышленным именем, вынуждал признаться священник Левицкий¹³. Похоронен был Кармалюк за оградой кладбища в местечке Летичеве без церковного обряда.

Устное народное творчество подчеркивает, что участники крестьянского движения под руководством Кармалюка и он лично не делали никакой разницы между представителями духовенства и иными эксплуататорами. В одном из преданий рассказывается о встрече Кармалюка с попом. Ехал поп с мельницы и вез четыре мешка самой плохой муки, предназначенной «для свиней и батраков». Вышел ему навстречу из лесу Кармалюк, стянул с воза и подвел к крепостному, который поблизости пахал целый день. Затем подумал и говорит: «А ну, отрекайся от воза, муки и быков да еще плюнь трижды, как на крестинах кумовья делают». Отвернулся поп, от всего сам отрекся, да еще и плюнул трижды, ибо очень боялся Кармалюка. Домой отправился пешком. По приказу Кармалюка крестьянин забрал себе все, от чего «отказался» поп¹⁴.

В другом предании рассказывается, что один сельский поп обучал грамоте только детей богатых. Пожаловались бедняки Кармалюку, и велел он попу под угрозой смерти обучать всех детей. Да еще и сам стал ходить учиться. Так Кармалюк выучился читать и писать¹⁵. В действительности Кармалюк не был грамотен, но народ хотел видеть его грамотным.

Не раз фигурирует в фольклоре о Кармалюке архирей или епископ. «Владыка», остановленный кармалюковыми «хлопцами», вынужден отдать им все свои деньги.

«Проїжджає, піп-владика:

„Добрий вечір, хлопці!”

Вони його обступили:

„Благослави, отче.

Ми у лісі проживаєм,

Та й хати не маєм,

Ой дай же нам сорок тисяч,

Ми всі так думаєм”.

І зітхає піп-владика,

Жалко йому грошей.

Оглянувся кругом себе,

Всі хлопці хороші.

Витягає сорок тисяч

Та ще й з половинов:

„Відпустіть же хоч з душею,

Щоби не загинув”¹⁶.

Иногда у «владыки» требуют «наших сорок тысяч» (то есть награбленных у трудящихся). Иногда он — представитель католического духовенства. Некоторые варианты песни отрицательную характеристику архирея усиливают тем, что, пообещав не доносить властям о своем ограблении, он слова не сдержал и сразу же после возвращения домой обратился в полицию. В результате Кармалюка схватили и бросили в тюрьму. В песню включается такой эпизод: когда закованного Кармалюка привели к «владыке», кандалы сами собой упали с его рук. Перепуганный архирей соглашается освободить его и даже не забирает сорока тысяч, лишь бы Кармалюк отдал деньги жене и детям, а сам тихо сидел дома. Однако народный герой отвергает это предложение и смело заявляет, что и в дальнейшем будет поднимать народ на борьбу.

Много названий лесов, оврагов, гор, пещер по всему Подолью связаны с именем Кармалюка. По народным преданиям, в этих местах действия повстанческих отрядов Кармалюк оставил бесчисленные клады. По этим преданиям, Кармалюк, человек бескорыстный, вынужден был иногда закапывать деньги и ценности в землю, ибо поблизости не было таких, которые нуждались в помощи; клады становились народным достоянием.

¹² Материалы отдела рукописных фондов ИИФЭ АН УССР, ф. $\frac{8-3}{183}$, стр. 13.

¹³ «Устим Кармалюк», Сборник документов, стр. 48.

¹⁴ Записано от А. И. Дунца в с. Ружична того же р-на Хмельницкой обл. в 1956 г.

¹⁵ Записано от И. И. Тихуна в с. Кульчиевцы Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. в 1955 г.

¹⁶ Из песни, записанной в 1911 г. в г. Хотине на Буковине. Текст, хранящийся у автора, еще полностью не опубликован.

«Пішла, пішла удівонька,
Дала пану знати,

Пан же взяв рушницю в руки
І пішов до хати»²³.

Согласно официальным свидетельствам, Кармалюк среди ночи постучал в окно хаты Процковой, в которой находился вооруженный Рудковский. Когда открылась дверь, он обратил внимание на шелест в сенях и спросил, кто там. Процкова ответила, что в сенях ночуют овцы. В ту же минуту грянул выстрел, и Кармалюк упал с простреленной головой:

«Оляна каже, що в сінях вівці,
На Кармалюка засіли стрільці.

Оляна каже, що в сінях жито,
Вже Кармалюка з рушниці вбито»²⁴.

Огромное горе трудового народа по поводу смерти Кармалюка передано в следующей песне:

«Як забили Кармалюку
Й повезли ховати,
Як почули бідні люди,
То й стали плакати.
Тепер будуть поміщики
Вільно панувати,
Бідні люди на панщині
Будуть пропадати.

Зійдімося, бідні люди.
На його могилу,
Ми сльозами підливаймо,
Посадим калину.
Най калина процвітає,
Нехай червоніє,
Ми глядімо отамана,
І повстання піднімем»²⁵.

Но не только скорбью веет от этой песни. В ней звучит стремление народа к продолжению борьбы, к новым восстаниям.

Народное творчество о Кармалюке насыщено большой любовью к трудящимся и ненавистью к их врагам, характеризуется глубоким патриотизмом, верой в окончательную победу народа над угнетателями. Оно рисует типический образ народного героя, активного борца против самодержавно-крепостнического строя.

²³ Материалы Отдела рукописных фондов ИИФЭ АН УССР, ф. $\frac{8-3}{182}$, стр. 24.

²⁴ Там же, стр. 28.

²⁵ Там же, ф. $\frac{8-3}{183}$ стр. 14.